

Средства разговорной речи в философских трактатах М. Веллера

Е.И. Абрамова

В.С. Фомина

Михаил Веллер, интеллектуал, блестящий прозаик, публицист, один из наиболее читаемых современных русских писателей, является и автором оригинальной философской теории – теории энергоэволюционизма, которую он излагает в трактатах в трактатах «Кассандра» [1], «Все о жизни» [2], «Смысл жизни» [3], «Человек в системе» [4]. Книги чрезвычайно интересны и по содержанию, и по способу изложения.

Философские трактаты М. Веллера по своим лингвистическим характеристикам очень близки к разговорной речи – по лаконизму, живой интонации, непринужденности и простоте высказывания. Возникает парадокс: автор скрупулезно трудится над каждым словом, оттачивает языковое мастерство, работает с синтаксическими конструкциями, и при всем этом его тексты просты, написаны почти разговорным языком с использованием разговорных конструкций, легки для читательского восприятия. Писатель умышленно создает обманное впечатление незамысловатости речи: «Простота изложения отнюдь не адекватна простоте содержания. Излагать просто труднее, чем сложно. Сначала трудно постичь. Потом трудно изложить. Потом трудно передать человеческим языком. Вот последней частью триады обычно пренебрегают, и более того – отвергают уничижительно. Вот поэтому мы будем говорить просто. Нас интересует суть» [4, с. 34].

Существуют разные подходы к определению понятия «разговорная речь». Нам кажутся важными характеристики, которые выделяет Е.А. Земская: она считает, что под понятием «разговорной речи» следует понимать неподготовленную речь носителей литературного языка, обнаруживающуюся в условиях непосредственного общения при отсутствии официальных отношений между говорящими [5, с. 3]. Следовательно, эффект разговорности можно определить так: восприятие письменного текста как неподготовленной речи, создающее у читателя ощущение непосредственного неформального общения.

Разговорной речи на разных уровнях языка свойственны определенные особенности, отличающие ее от кодифицированного литературного языка. Нам важно определить, какие черты разговорной речи и как реализуются в философских трактатах М. Веллера на уровне лексики и фонетики.

Исследователи отмечают, что в лексико-стилевом отношении тексты разговорной речи неоднородны. Это же относится к анализируемым в статье текстам М. Веллера. Автор активно использует разговорные и просторечные лексические и фразеологические единицы: *Какие варианты? Или сдохнуть. Можно уйти в те места, где можно жить привычным образом* [4, с. 144]; *Сожрать человека не есть политкорректно* [4, с. 155]; *Феминистки в атаке, как вы понимаете* [3, с. 144]; *Эту фигню, когда люди по мере времени бросаются из одной крайности в другую, назвали колебательным контуром* [1, с. 158]; *Я начальник – ты дурак, ты начальник – я дурак. Ржать не надо. Это очень даже серьезно* [4, с. 168]; *Не аналитическая, не абстрактная, не рефлексивная, и вообще плевать какая...* [3, с. 168]; *На хрен! Солдат должен быть абсолютно дисциплинирован ...* [4, с. 176]; *Они договариваются между собой. И впаривают свой выбор остальным ...* [2, с. 187]; *Любой роли: лакея, палача, шлюхи* [4, с. 207]; *Для него самого это кранты* [4, с. 235]; *Тогда в быту говорят о целеустремленности, или самоограничении... Или гадстве* [3, с. 236]; *И плюгавый мозгляк будет объектом соперничества бригады оголодавших сезонниц-рыбораздельщиц?* [2, с. 256]; *А поскольку познание (судя по всему) принципиально бесконечно – то текст это длинный, и читать его можно до посинения* [4, с. 373]; *...мухосранской районной газеты..* [1, с. 368]; *Фигу вам заместо равенства* [4, с. 294] и др.; *Забавно наблюдать, как стремление к справедливости загибает науке рог* [4, с. 176]; *Остальные – просто ничтожные домохозяйки, пустоболты, несостоявшиеся юристы и не пришей кобыле хвост ...* [4, с. 186]. *И при конфликте он может порвать тебе пасть левым мизинцем* [4, с. 365] и т.п. В авторском тексте встречаются трансформированные (в структурном и структурно-семантическом плане) афоризмы: *Ну, есть такая профессия – миллионы воровать* [2, с. 213]; *Жратва – всему голова* [4, с. 17]; *Каждому плоду – свое время цвести и время гнить* [4, с. 48]; и др.

На эффект разговорности работают жаргонизмы: *... я знаю, как подобает вести себя значительному мэну* [4, с. 168]; *Вот талантливые молодые кореша создали фирму* [3, с. 176]; *Электорат все меньше знал этих людей и все больше хавал избирательной жвачки ...* [4, с. 185]; *Нет базара. Хороший человек не отвечает за преступления, совершенные негодяями из одной с ним социальной группы ...* [4, с. 193]; *А больше – ша!* [4, с. 317]; *И безделье разложит толпы пацанов – вмиг и дочиста* [4, с. 392] и т. д.

В контексте даже нейтральная лексика может приобретать высокую степень экспрессивности, что характерно для разговорной речи: *И тогда я вспомнил бытовой роман Салриiddина Айни «Бухарские палачи». Усталые рабочие люди...* [4, с. 209]; *Научная нива заколосилась густо и бурно* [4, с. 18]; *И сознание не властно над желанием. Гормонов и сахара столько, что боль и труд нипочем* [4, с. 209]; *Как прекрасно было бы продать в рабство автора фразы «Свобода есть осознанная необходимость»* [4, с. 6] и т. п.

В разговорной речи не существует жестких норм. Именно в ней появляются новые – окказиональные – слова. Ими изобилуют тексты М. Веллера, например: *Вымерли они оттого, что с похолоданием и посушением уменьшилось буйство растительности* [3, с. 6]; *То есть на протяжении ста лет – ради бога, равновешайся сколько хочешь* [3, с. 117]; *А это невозможно, антипрогрессивно, антивыживательно* [4, с. 170]; *А он, имперсиндромщик, это знает?* [4, с. 198]; *Эгалите! Что в переводе с французского означает «однохренственно»* [4, с. 277] и др.

В письменном тексте, предназначенном для чтения, сложнее всего передать особенности фонетики и интонации живой разговорной речи, но, как нам кажется, М. Веллер справился с этой задачей.

В непринужденной беседе возможно «передразнивание», «подражание» речи другого лица. Такое «передразнивание» находим и в текстах М. Веллера. Так, например, имитируется «картавости» ленинской речи: *Имеет место пг`еинтег`еснейшая вещь!* [4, с. 187], грузинский акцент (мягкость шипящих) Сталина: *Шютка!* [4, с. 220], такие особенности устной разговорной речи, как редукция интервокальных согласных и упрощение групп согласных: *Чела-эк – поди сюда, мушкой!* [4, с. 371]; *Поял-нет?* [4, с. 36]; *Унадеживания и умоощнения культурвоспроизводства, тэкэзэть* [4, с. 308]; *А руководители кто? Здрассьте и вам* [4, с. 40], *Шо мы имеем?* [4, с. 28]; *И поскольку чел-к не дурак же, он понимает, как жить лучше, и он должен стремиться к этому лучшему для всех* [4, с. 226], *Шо есть человек, аз есьм, со всей этой точки зрения?* [4, с. 118] и др.

Следует отметить, что жесты, мимика и звуковая речь тесно связаны в процессе коммуникации. Смысловое единство высказывания требует определенного взаимодействия планов содержания речи, жеста и мимики. В текстах Веллера эта информация передается или непосредственным указанием на кинетический жест: *А сейчас следите за движениями моей правой руки! – Из того, что. Человек слишком много жрет. И потребляет в*

пять раз больше энергии, чем другая такая скотина. Ему приходится что-то с этой энергией делать. Его мозг аж исторически напрягся, чтобы как-то распределять, координировать и направлять эту энергию. И не в силах всю ее употребить на свое пищеварение, круглогодичное совокупление, беготню за пищей и рытье норы. Он ее пускает наружу. Через себя. Вовне. Как дождевой червь, пропускающий через себя землю, в которой живет и ползет [4, с. 126], или орфографической записью, передающий некий звуковой жест, например: *Он: а в действительности они относительны и субъективны* [4, с. 211]; *Элементы групповой морали растаскиваются по участкам морали макросоциальной. Он!!!* [4, с. 357]; *Тогда – оу, это было таки кое-что!* [4, с. 29]; *Стремление к максимальной реализации. Хо. На общем энергетическом уровне – стремление к максимальному энергопреобразованию* [4, с. 363]; *И только было дотянулись и приспособились – бац! Октябрьская революция* [4, с. 45]; *Попытки свести содержание объекта к «чистому» материальному носителю красоты – мн-ээ, скорее не удалось* [4, с. 472]; *И тут – бац! – Ницше дает объявление: «Бог умер»* [4, с. 472]; *Просто говоря, вся наша жизнь – это воспоминания. Хоп! – и все в прошлом, воспоминание* [1, с. 12]; и др.

Передать особенности мимики, сопровождающей устную речь, не используя вербальные средства, в письменном тексте сложно, однако М. Веллер нашел для этого способы и средства.

Во-первых, автор использует смайлы, передающие ироническую, трагическую, насмешливую улыбку, например: *Но в первобытном обществе -)* – примитивно-первобытный ум универсален... [4, с. 169] и др.; во-вторых, звукосимволы, неcodифицированные звуко сочетания, сопровождающиеся соответствующим выражением лица, например: *Э?* [4, с. 356]; *М-да. Сто лет назад та же ученая толпа дружно говорила противоположное* [4, с. 160]; в-третьих, автор использует вопросительный или восклицательный знаки, которые по своей значимости могут быть приравнены к высказыванию. Они вставляются как своего рода авторские замечания, комментарий, выражают удивление, недоумение, досаду и т.п. и сигнализируют об определенной мимике: *Разве что отдельные простейшие организмы, вроде бы (?) путешествующие аж в космосе на астероидах, могут дать нам фору по части выживания в любых условиях* [4, с. 31] и др.

В аффективной речи при отрицательных эмоциях (досаде, раздражении) произношение характеризуется напряженностью, силой артикуляции, как результат, усилением и удлинением согласного. В

авторском тексте это передается удвоением согласной буквы: *Ч-черт знает что такое!* [3, с. 495] и др. Удлинение гласных указывает на спонтанность речи, на то, что автор обдумывает дальнейший текст, подыскивает слова, колеблется в их выборе: *А-а-а, - но вообще так даже легче сравнивать* [4, с. 163].

Категоричность, дидактичность речи передается и сегментированием, парцелированием текста: *Но. Лес сгорает, его продукт уголь – сгорает, его продукт нефть – сгорает, газ сгорает. То есть. Суммарная энтропия вещества планеты нарастает* [4, с. 95] и др.

Эти элементы разговорной речи используются автором для создания эффекта «разговорности», непринужденной беседы. Такая форма изложения способствует завоеванию доверия читательской аудитории и доступности изложения мысли, не исключая за этой доступностью глубины содержания.

Литература

- 1 Веллер, М.И. Кассандра / М.И. Веллер. – СПб.: Издательство «Фолио», 2002. – 398 с.
2. Веллер, М.И. Все о жизни / М.И. Веллер. – М.: Издательство «АСТ МОСКВА», 2009. – 750 с.
3. Веллер, М.И. Смысл жизни / М.И. Веллер. – М.: Издательство «АСТ МОСКВА», 2009. – 567 с.
4. Веллер, М.И. Человек в системе / М.И. Веллер. – М.: Издательство Астрель», 2010. – 572 с.
5. Земская, Е.А. О понятии «разговорная речь» / Е.А. Земская // Русская разговорная речь. - М.: Наука, 1973. – 484 с.